

МОЖЕТ быть, самая трогательная биографическая черта Юрия Никулина — его верность цирку. Пятнадцать лет назад кино открыло его как «звезду», и через несколько лет стало ясно, что слава актера будет прочной и постоянной. Никулин мог бы тогда же перейти в ранг «солидных» актеров кино или даже театра: Малый театр пытался «переманить» замечательного комика с манежа на сцену.

Но актер устоял. По счастью, первая его любовь «не заржавела». И не только оттого, что, вернувшись с войны двадцати пяти лет, он напрасно растратил весь свой «коэффициент актерского счастья», поступая то во ВГИК, то в ГИТИС, то в театральное училище — а приютил его только цирк.

Цирк привязывает актера неодолимой силой своего обаяния. Силой той требовательности к достоверности искусства, которая нигде не оплачивается такой дорогой ценой, как на манеже. Зеркало цирка отражает «человека в идеале» — прекрасного, всемогущего, отважного, сильного. Как и положено подмосткам «народного театра», манеж находится в окружении зрительской толпы, и ощущение близости и открытости, веселья действия порождает живую иллюзию, что «зеркало» отражает зал, что в каждом из нас есть частичка этой вечной юности, легкости, «куража», и стоит лишь захотеть...

Словом, как говорил Гарсиа Лорка: «Ни для кого не секрет, что поэзия влюбляет». Цирк — это поэзия. Грациозные наездницы, бесстрашные укротители, с улыбкой взлетающие в высь купола акробаты, и жонглеры с повадками придворных магов, ни с чем не сравнимая цирковая музыка — все это прекрасный и удивительный, неугаснющий мир вечных красок.

«Огни нового цирка» — увлекательнейшая московская программа, а также такие мастера, как воздушная гимнастка заслуженная артистка РСФСР Людмила Канагина или аттракцион канатоходцев под руководством народного артиста РСФСР В. Волжанского, оригинальный жонглер народный артист РСФСР Р. А. Кисс, или лауреат Всесоюзного смотра артистов цирка дрессировщик собачек А. Попов, — вызывают настоящий восторг зрителей. Но в центре всего этого был, есть и останется любимец публики — клоун.

Зритель все время ждет выхода клоунов, предвкушает его, и, больше того, можно с полным основанием сказать, что значительная часть публики приходит (и даже приезжает) в Московский цирк «на Юрия Никулина».

КАЖДЫЙ вечер, натянув на длинные ноги узковатые и коротковатые брюки в полоску, надев कुцый, смешной пиджак и плоскодонную шляпу, худой, сутуловатый, он появляется на манеже, и публика приветствует его дружелюбным смехом.

ВЕСЬ ВЕЧЕР НА МАНЕЖЕ

На лице его очень мало грима: немного румян на скулах, тщательно раскатытых заячьей лапкой, две-три крупные белые «веснушки» и легкий мазок помады, делающий рот забавно маленьким... Но, конечно, не удачно подобранный грим и костюм, а что-то другое делает этого клоуна таким неповторимым. Это «что-то» таится в образе, сложенном с мозаичной тщательностью за годы служения цирку.

Комическое таится, должно быть, в контрасте между серьезным и даже мрачноватым отношением клоуна к происходящим на арене событиям и реальной значимостью происшествий. Сам Никулин на манеже как будто лишен чувства юмора, он вроде бы не очень и понимает причину всхливающего в зале смеха. И если он даже для того, чтобы вызвать веселье, а просто это его способ сквитаться с досадишим ему партнером, ведущим, иногда — зрителем...

Ю. Никулин и М. Шуйдин — единственные «говорящие» клоуны в стране. Не акробатика и не экзотика, а слово и жест — орудие и «хлеб» этих цирковых комиков. Мне хочется привести отрывок из беседы с главным режиссером цирка М. Местечкиным, который сказал о Никулине и Шуйдине:

«**Э**ТО антикварная пара. И о каждом из них можно рассказать много удивительного. Вы спрашиваете о Никулине... Я скажу бы: «Этот человек рожден для цирка». Возьмите такую особенность его мастерства: где бы, в какой части манежа он ни стоял, его всегда слышно, а голос он не форсирует... Это непостижимое чутье!

Время клоуна — в паузах между номерами — вольных или невольных. Все до секунды рассчитано. Но если возможна удачная импровизация — Никулин всегда воспользуется моментом, не сбившись с основного действия, не расстроив партнера и уложившись в «паузу».

А какие блестящие актерские находки бывали у него в пантомимах! Помню, мы в старом цирке ставили пантомиму «Карнавал на Кубе» (кстати, Ю. Никулин — один из авторов этого да и многих других сценариев).

И вот — последний спектакль. Во втором отделении была такая сцена: на мосту стоят двое влюбленных, и некто — толстый, с виду уважаемый, но нахальный — все время мешает их свиданию. По ходу действия появляется Никулин и бросает нахала в воду с моста. Так он сделал и в этот вечер. Но тут что-то осенило его, он задумался на мгновение, взял за плечи

влюбленного, столкнул в воду и его, а сам обнял девушку и ушел с ней. Это было неожиданно и цирковому смешно.

Никулин обладает чувством цирковой правды, а это тонкая штука... И он, и Шуйдин очень требовательны к слову, к репризе, а поскольку хороших авторов у цирка мало, им приходится писать самим для себя. И горько слышать поэтому упрёки в том, что программа комиков меняется не быстро. Это же не вина их, а беда...

В цирковом артисте всегда дремлет мастеровой. Он норовит все сделать или хотя бы доделать для себя сам — костюм, реквизит, снаряд. Знаменитый складной перочинный нож (величиной с доброе ружье), с которым Никулин во время одной из сценок гоняется за Шуйдиным, сделал их собственными руками, так же, как забавная тросточка, пропеллер-бумеранг и многие другие вещи, «игрушки» в спектакле».

КОГДА-ТО, в самом начале своей цирковой карьеры, Ю. Никулин был учеником знаменитого Карандаша. Он вспоминает, как однажды решился «для смеха» вывести на манеж необычную лошадку-уродца. Карандаш узнал, что такая лошадка, напоминающая туловищем одновремен-

но таксу и автотомобиль, существует на самом деле). Лошадку раздобыли. Вывели ее на манеж. И публика, пораженная уродством животного, забыла о клоунах. Они ушли с манежа, так говорится в цирке, «под шорох своих шагов». Никто не смеялся...

С тех пор Никулин понял, что внешний эффект — это не та лошадка, что вывезет к успеху. Надо искать в глубинах смешного, надо найти до времени скрытый свой собственный образ. И он его нашел.

Говорящие клоуны... О чем же они говорят? То добродушно, то зло и остро изображают они «отдельные недостатки» и пороки. Копья летят в бюрократов, хамов, алкоголиков, спекулянтов... Много уже прошло времени, а все помнится чудесная сценка, в которой Никулин изображал влюбленного, а Шуйдин — спекулянта цветами. Чтобы подарить своей девушке букет, Никулин — влюбленный — продал все свои вещи и вручил цветы босой, стоя в одних трусах... В этой сцене был чаплиновский привкус — когда после смеха к горлу вдруг подступает комок...

Никулин удивительно талантлив, очень музыкален. Известно, что он неплохо поет. Песни, исполняемые им в кинофильмах, записаны на пластинки и очень популярны. А недавно вышла пластинка под названием «Ю. Никулин». И там записано несколько песен его собственного сочинения. И, конечно, они о цирке.

«Старый клоун уходит. Успехи свои и потери. Словно старый солдат, Навсегда он уносит с собой», —

поет Никулин, и в этих словах столько пронзительной правды! Но правда заключена и в другой песне, которая начинается ликующе:

«С утра я рад, чего-то жду...
Ура! Ура! Я в цирк иду!»

Все его творческое credo — в этих песенных строках.

Талант выводит его за скобки узкого профессионализма. И время от

времени брюки в полоску и плоскодонная шляпа водворяются в шкаф, пока их владелец занят в кино — снимается в новой роли. Вот и сейчас, с июля, начались съемки новой картины Э. Рязанова «Старики-разбойники», где Никулин занят в одной из главных ролей. Но цирк спокойно ждет его возвращения. Никулин, как и всегда, вернется в родной дом и отдаст цирку все, чем обогатился «на стороне».

НОВЫЙ цирк поразительно красив. Снаружи — этого циркового балагана, отлитый в металле. Внутри — дворец с роскошным двухэтажным фойе и залом почти на три с половиной тысячи мест. Правда, он еще не обжит, этот дворец, и еще не вполне обнаружил себя чудеса телеустройств, циркорамы, сменных манежей. Но все это впереди. Цирк такого типа пока единственный в мире. Он задуман как подмостки для великолепных пантомим.

М. Местечкин мечтает в не столь отдаленном будущем поставить здесь, например, пантомиму «Спартак» с участием настоящих зверей, лошадей и прочего.

Именно в пантомиме видит будущее цирка его главный режиссер. И может быть, он прав. Ведь под сенью цирка вырастают артисты, подобные Ю. Никулину, значит, цирк стал в чем-то ближе к искусству театра, чем это было раньше.

Что же принес сутулый человек, будто выросший из куцега пиджака, в искусство? Прежде всего он заново, по-своему, открыл цирк зрителю. А открыть — означает, как сказал поэт, внести «частицу собственного света в живую тьму»...

Один зритель написал Ю. Никулину: «Смешить — трудное дело, но вы продолжайте, Юрий Владимирович, это нам очень нужно».

— Ладно, — ответил Никулин. — Согласен.

Э. ЧЕРЕПАХОВА.
Фото Ю. ПЯСЕЦКОГО.

